

Дневники С.А.Векшинского. 3-я часть

С.А.Векшинский

Приведена третья часть дневников академика С.А.Векшинского, написанная в период с 1 января 1941 г. по 20 декабря 1964 г. С.А.Векшинский – основатель электроламповой промышленности СССР.

S.Vekshinski's diary. 3d part. S.A.Vekshinski. Here the third part of academician Vekshinski's diary is found. It was written during the period from January 1, 1941 to December 20, 1964. S.A.Vekshinski was the founder of lamp electronic industry in the USSR.

Когда пашешь целину, всегда рискуешь сломать плуг о неведомый камень. Но это не значит, что должен оставить ты целину невспаханной.

С.Векшинский. 1941 г. 1 января.

1 января 1941 г.

Первый раз в жизни я начинаю новый дневник в первый день нового года. Мне очень жаль, что предшественник того дневника погиб где-то в недрах ненужных бумаг НКВД. Надеюсь, что этот не испытает той же участи. Уверен в этом!

Новый год – новые мысли, новые дела. А дела мною начаты большие. С завтрашнего дня, засучив рукава, начинаю пахать новый огромный участок целины. Здесь еще и плуг не бывал, и человек не ступал.

Вчера, в последний день прошлого года, я первый раз собрал свою группу, будущее Спецбюро, и рассказал ей всю программу наших работ 1941 г.

Не знаю: или я агитировал хорошо, или действительно ребята заразились сознанием грандиозности последствий намеченной мной работы – только желание работать и все впахать, все сделать, все победить у них разгорелось здоровое. Теперь буду с нетерпением ждать постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома. Организационная работа уже пошла полным ходом: помещение для работ освобождено, новое – срочно оборудуется; основные вакуумщики уже у меня, один прибор почти закончен, второй – спроектировал.

По странной игре случайностей, я опять сижу в ОВЛ в той комнате, из которой я руководил ее работой со дня ее постройки. Но сейчас меня мало интересует сама ОВЛ. За полтора года тюрьмы, да полтора года заводоуправления я сильно отстал от ламп, трубок, радиотехники. Да и вкус к ним потерял. Зато я сложился окончательно как физик-химик исследователь. И первый результат этого «сложения» оказался гораздо крупнее, чем все вместе взятое, сделанное мною за 20 лет. Пока, конечно, речь идет об открытии. В нем – мало толку, если его не развить в универсальный металлографический метод. А развить его, безусловно, можно и должно. Вот на эту черновую пропашку и пойдет этот новый 1941 год.

А дальше, думаю, пойдут еще и еще года, в течение которых будет расти, развиваться и крепнуть школа нового металловедения, новой металлографии, новой металлургии.

Знаю, что кроме радостей творчества и труда, этот год будет и годом всяких трудностей, разочарований, ошибок и прочих гадостей. Но без них ведь было бы слишком приторно, слишком оранжерейно, а значит и не жизненно, не ценно. Пусть жизнь будет полной, напряженной, яркой. Я такой ее люблю.

Итак, здравствуй, 1941 год – год моей второй молодости, год моей первой, радостной, настоящей «беременности». Здравствуй!

19 декабря 1941г.

Дневник – который ведут раз в год! Можно его назвать ежегодник?!

Да, год кончается и нерадостные итоги могу я подвести. Началось все так хорошо. Работа пошла лучше, чем я сам ожидал. Приборы, которые для меня построила моя родина – таких мир еще не видел.

Счастливые немногие дни работы по теме в Ленинграде и в Щелкове принесли радость удовлетворенному сознанию: все законопроекты, все теоретические ожидания подтвердились с завидной точностью. Оставалось только работать, работать и работать. Впереди уже маячили новые некорродирующие стали и сплавы, терро-металлические системы – материал будущей техники, и, наконец, настоящие алмазы. И вместо всего этого я, вместе со всей моей родиной отброшен на 50-100 лет назад, закинут в Новосибирск на 617 завод, бывшую «Светлану». Бывшее мое детище, которое я растил 20 лет, ныне сосланное гитлеровцами в сибирскую глушь. И все мои ценнейшие приборы, заросшие ледяной коркой, обезображенные грязью и ржавчиной, лежат здесь, никому не нужной кучей хлама. Трудно быть оптимистом, трудно обосновать логически веру в победу, веру в то, что «все идет к лучшему». Да, трудно, но необходимо. Логика должна быть заменена упрямством, сознание – верой. Иначе придешь к признанию полной безвыходности.

Вот на это и уйдет, вероятно, весь 1942 год. Другого пути нет.

4 июля 1942 г.

Радио сообщило сегодня о падении Севастополя и жесточайших боях на Курском и Белгородском направлениях. Черчилль получил вотум доверия 475-ю голосами против 25-ти, хотя английские военные усилия неизмеримо хуже наших.

Полгода прошло, как я со Спецбюро в Новосибирске оборудовал вновь (это уже 3-й раз) лабораторию и начали работать. Но какие? Только те, что можно делать в обстановке нищеты, полуголода и невозможности что-либо построить, изготовить, приобрести. Это жалкое подобие, гримаса какая-то, а не работа по моей теме.

Вчера написал Турчанину в ЦК большое письмо. Не знаю, что он ответит и ответит ли.

По всему чувствуется, что все наше хозяйство, люди, государство в целом – напряжены до предела. И все-таки мы это напряжение выдержим, выдержим обязательно. Многие погибли, многие еще погибнут, но те, кто останется и выдержит еще 6-12 месяцев – те победят.

Дня три тому назад здесь получено большое письмо от С.А. Оболенского. Я читаю его. Это почти бред дистрофика, пишущего о еде, о философии голода, об умерших товарищах. Он не потерял еще способности логично мыслить, но эти мысли, если бы их изложить лет 4-5 тому назад, показались бы безусловно бредовыми. И все же воля к жизни берет верх. Боюсь только, что немцам удастся потушить эту с таким упорством и напряжением сохраненную жизнь многих ленинградцев. По едва уловимым признакам, положение в Ленинграде чрезвычайно тяжелое; военное командование, по-видимому, ведет подготовку сдачи Ленинграда. Это просто не укладывается в голове.

А здесь, в Сибири, люди точно забыли о войне. Все идет так, как идет в мирную пору, только кошмарная неналаженность жизни выдает, что происходит где-то что-то необычное. Но как все медленно движется, как все тянется.

25 декабря 1943 г.

Нашел случайно этот «ежегодник» на полке среди тетрадей и книг. Что ж, - запишем еще страницу из эпохи великой борьбы за жизнь.

Три года. Это большой срок. Осколки моего Спецбюро сидят на Электрозаводе, делают ЭОПы. Сам я нигде не сижу: числюсь начальником института № 160, но в действительности это фикция. Два десятка ИТРов из бывшей ОВЛ + группа харьковских физиков + свалка хламу (т.н. завод № 707) – это, конечно, не Электровакуумный институт. Устал, боже, как я устал.

Дела на фронте идут успешно, но очень медленно. После Московской и Тегеранской конференций все ждут конца. Все только и думают о скорейшем общем и последнем ударе по Гитлеру. Все устали, все ждут отдыха. Но впереди – годы, долгие годы труда и нищеты. И это все понимают, кроме молодежи, которая считает, что все идет так, как вообще должно идти. Я написал «труд» о новом методе исследования сплавов. Это не монография, а каша. Буду подавать на Сталинскую премию. По-моему, «провал» обеспечен. Но подать нужно, иначе вообще все будет забыто. Это, пожалуй, похоже на цепляние за жизнь.

1 декабря 1944 г.

Кажется, я угадал будущее, назвав в шутку эту тетрадь «ежегодник». Действительно случается так, что она попадает мне под руку один раз в год и невольно хочется записать итоговую страничку. Этот год прожили так же напряженно, как прошлый, но с меньшими трудностями. Война отошла далеко на запад, стало сытнее, потянулся народ с востока на запад вопреки всем барьерам и запретам. Стали по-новому обосновываться, разгребать обломки прошлого, воскрешать забытое и заброшенное. Но усталость от войны, нехватка людей, понижение культурного и жизненного уровня – все это делает жизнь суровой, трудной. И все же прекрасна эта жизнь.

По моим делам положение таково, примерно, как было четыре года тому назад: опять правительственное постановление о восстановлении бывшего Спецбюро, опять оборудование лабораторий, опять кадры, приборы, ставки и т.п. организационная шелуха. А сил у меня уже мало-мало. Старею. Теперь я уже не гляжу с такой бодрой уверенностью на ближайшее будущее: не уверен в том, что могу вытянуть все дело, создать приборы, сколотить школу и т.п. Все чаще задумываюсь над покойным уголком на юге, где-нибудь в Крыму, в Балаклаве. Не стар еще, но устал, ах как устал. А отдыхать некогда. За этот год, здесь в Москве я много раз докладывал мою сибирскую работу в разных ученых собраниях. Повсюду она встретила самый теплый, почти восторженный прием. Моя сумбурная «монография» уже отпечатана, скоро выйдет в свет. Многие академики и ученые хлопочут об ученой степени для моей персоны. Но меня это очень мало беспокоит. В сталинском Комитете жюри присудило мне первую премию, как сообщил мне Абрам Федорович Иоффе. Но присуждение премий задержано и никто не знает, будет ли она вообще восстановлена когда-нибудь.

С электроникой в Союзе полный хаос. Готовятся к переговорам с американцами (опять RCA), но никто не знает, что нужно. Недавно в Эривани умер Восканян. Это последний волевой и грамотный дирижер, который один только и мог поставить на ноги нашу электронику. Берг, как я и ожидал, оказался пустоцветом и от организации работы спрятался в Совет по Радиолокации.

На ближайший год, вероятно, самым трудным делом будет выработка ясной и реальной программы действий, сбор всех желаний, целей, устремлений во единое целое. Но кто этим может заняться – пока не видно. Это не только по электронике, но по всему «народному хозяйству», по всей политической и бытовой структуре нашей страны. Огромная, историческая, гигантская задача. Это – труд поколения.

26 мая 1945 г.

Победа достигнута, гром салютов затих, боев нет. Приходят эшелоны со станками, целыми заводами, вывозимыми из Венгрии, Пруссии, Австрии, Силезии. Всюду хозяйственники в ужасе: куда девать, кому работать, что делать? Нужно сказать, что какого-либо плана, какой-либо наметки на ближайшее будущее – нет. Все идет самоходом, самотёком.

Хотя война окончилась, хотя в Сан-Франциско создается Международная организация мира – как-то никто не верит внутренне, что это серьезно, что завтра не начнется все снова: бомбежки, бои, пожары, голод, беспросветный труд. Усталость от 4-х лет войны у всех ужасная. Но о серьезном отдыхе как-то никто и думать не смеет. У всех столько забот, столько всяких «должен», что о личном, своем, бытовом – не хватает места и времени даже подумать. Из моего личного пока произошло вот что: защитил докторскую диссертацию в Капичнике. Пока не утвержден в ВАКе, но вероятно когда-нибудь утвердят. На 50-летие радио и торжества Попова делал доклад об электронике в радиотехнике. В резолюцию конференции внесли пункт о создании межведомственного института электроники. Но кто его будет создавать? У меня явно нет сил браться за это большое и очень нужное дело, важное для нашего будущего. А других желающих, увы, не видно.

31 декабря 1945 г.

Осталось два часа до еще одного Нового года. Вспомнил про «ежегодник» и захотелось что-нибудь записать.

Уходит год победы, год последнего напряжения, идет год суда, конференций, договоров, атомной энергии и труда, труда – без конца.

Что сейчас происходит в мире - мы понимаем очень плохо. То ли опять назревает война, которая по представлениям многих должна будет создать еще больший хаос в мире, чтобы из него создать настоящий человеческий мир, то ли уже выросло сознание в капиталистическом мире в безысходности старого и признание неизбежности перехода на социалистические рельсы – оценить и взвесить невозможно.

Моя родина – отдыхает. Отдыхает по-своему, по-русски: работа в ермалаше, без напряжения, но с огромными затратами. Последняя шутка: НКАП – расшифровывается как наркомат алюминиевой посуды. Все авиазаводы выпустили ширпотреб – посуду, но на большее не хватило ни воображения, ни пороха. А я делаю счетчики Гейгера для поисков урана. Ну что же – здравствуй, новый, загадочный год!

31 декабря 1947 года

Уходит последний день 1947 г., последние его часы. Год большого труда и стабилизации жизни. Денежная реформа, свободная торговля, выборы в Советы - все это украсило последний месяц 47 года, сильно подняло настроение у всех. Я сказал «всех». Это не совсем так, ибо те, кто за эти годы скопил миллионы – считают, что их ограбили. По делам в коих я верчусь – порядка пока еще очень мало. Главное то, что очень много разговаривающих и путающих, но очень мало действительно работающих. Это приводит к тому, что и работающим даться некуда от разговоров. Все время заседают.

В этом году летом вышло постановление о создании Вакуумного института (НИВИ), которым я и управляю. Но что это за институт? Разве такой была ОВЛ, которую никто не называл институтом? Жалкая пародия. Но работаем, работаем плотно.

С электроникой, о которой я все же тоскую, дела идут плохо, несмотря на смену министров, начальников и гл.инженеров. Кандидатур на эти дела подобрать нельзя, ибо таких людей у нас нет.

Ну а я – старею, побаливаю и уже почти не работаю, только директорствую. Это начало конца, но без грусти, без горечи. Новый год встречаю с уверенностью, что он будет лучше, чем 1947. Не обмани, младенец, нас, стариков!

2 января 1949 г.

Очень трудно записать итоги прошлого 1948 года. Весь он был какой-то короткий, суматошный, какой-то предварительный, черновой. Назвать его плохим – нельзя. Много работали, много тем, порядочно сделано. За этот год мы закончили создание всего основного оборудования для «большой» вакуумной техники. На днях А.А.Арцимович покаялся мне в том, что в начале года и он, и его архимеды делали всю ставку на харьковские институты. В нас, в НИВИ, никто не верил. А теперь только нас и признают, о Харькове и слышать не хотят. Несколько ранее Г.Я.Щепкин, после возлияний по поводу защиты им докторства, тоже делал подобные же излияния мне. Ну и по другим делам положение победное: течеискатель М.И.Меньшикова побил все рекорды на Кикоинском предприятии, выкурив оттуда все «гениальности» Симоненко-Кикоина. В.А.Симонов исследованием солей Ag показал высокий класс НИВИ и свой собственный. И при всем этом на 1949 г. у нас нет никакой программы, никаких серьезных планов. Если ПГУ согласится на выдачу нам заданий по ионным источникам и соответственно помогут оборудованием – мы через год будем на коне. А пока положение довольно мутное, бесперспективное.

Предстоит в середине нового года выезд на Урал для налаживания там вакуумного хозяйства. Тягот будет много, т.к. проектная работа совершенно бесхозна, делается халтурно, без знаний, любви и веры в успех.

Строительство в Нижних Котлах идет очень вяло, и для того, чтобы там сделать Институт, нужно вложить еще 3 миллиона рублей.

Завтра уеду в Ленинград на сессию Академии, которая должна продлиться до 18.1.48. После возвращения добьюсь того, чтобы вышло правительственное решение об окончании стройки в Котлах. Придется мобилизовать И.В. Курчатова, Первухина, Петросянца, Борисова. О помощи Кабанова и Ефремова думать не приходится, т.к. Министерство электропромышленности опять сливается с Министерством промышленности средств связи и что-то еще отпочковывают от себя и что-то вливают в себя. Лихорадка в МЭП будет продолжаться опять 3-4 месяца и что и кто будет делать это время – неведомо. Итак, на 1949 год перспективы буйные и грозные. Не привыкать стать. Если хватит сил, то думаю, 1950 год мы будем встречать в новом НИВИ. Иначе быть не должно.

1 января 1950 г.

С грустью думаю, что уже не много страниц будет заполнено моей рукой в этой тетради. Большая часть так и останется пустыми, пока новый неведомый мне хозяин ее не вырвет исписанные листы, чтобы не путались в «его» тетради ненужные чужие записи.

Это лирика, грусть, старость.

Еще один год прошел. Что сделано, что достигнуто? Что пережито за этот быстро промелькнувший год? Много. Институт с конца лета в новом здании в Нижних Котлах. У Арцимовича все идет хорошо. У Кикоина – провал и скандал. Курчатов взорвал первую игрушку и шумел на весь мир устами Трумена. Порядку в делах по-прежнему мало, расходы дикие, безграмотных чиновников легионы. И.В. Сталину недавно минуло 70 лет. В Москве идет чистка партийного руководства сверху донизу. Для начала с треском снят Попов, выведен из состава ЦК.

Выезд на строительство завода Арцимовича предположен в марте, но по-моему, раньше августа ничего еще там делать нельзя будет. Ефремов и Арцимович ездили туда в декабре и приехали с совершенно различными оценками состояния строительства. Несмотря на различие оценок, пишут совместно доклады с единодушными требованиями и предложениями.

У меня же назревает ощущение надвигающейся катастрофы всего дела, т.к. Ефремов это только машиностроитель, а Арцимович только сильный физик. Ни тот, ни другой не признают и не понимают, что такое технология такого завода, который строится. Мне грустно, что я уже стар и могу только видеть (да и то плохо), но не могу делать. У Арцимовича много данных для того, чтобы быть полным хозяином всего дела, но нет выдержки, нет любви к доведению в мелочах всего до совершенства. Жаль, конечно, и трудов, и средств, и людей, но думаю мне, что все же дело умрет и умрет с шумом. Очень много ошибок наделал Ефремов и из-за упрямства, тщеславия и себялюбия продолжает отстаивать ошибочные решения, таща за собой часто Арцимовича, не всегда твердого в своих взглядах и принципах.

30 декабря 1951.

Этот минувший год для меня был относительно тихим. Дела по-прежнему топчутся на одном месте. Васильевская база коптила небо до 15 ноября на экспериментальных работах, и когда все уже было на мази – внезапно переведена на другой конец Менделеевской системы. Арцимович и здесь показал себя безвольным соглашателем: пошел по тому пути, который гробит метод и дает полное спокойствие чиновникам, Бороте и Кикоину. Для всех ясно, что дальнейшее затирание нужно лишь потому, что руководители боятся: как бы не сравнили да не спросили, о чем вы думаете, товарищи, и как вы могли так думать. Естественно, что выпустив в жизнь настоящий большой завод ЭМ пришлось бы уступить если не все, то большую часть завоеванных позиций и привилегий. А это для них очень опасно. Вот и крутят, мутят, прячут истину. Мой НИВИ – по-прежнему скучная, малоквалифицированная, безидейная кустарная мастерская бешеных заказов.

Сам я постарел, сердце все время шалит. Устал. Видимо, пора думать о закате.

5 января 1956 г.

Пять лет прошло от последней записки в эту тетрадь. Много воды утекло. Васильевская база тихо-тихо перешла на производство стабильных изотопов, после того как сработала Li^6 на первую водородную бомбу. К этому времени пошел Константиновский завод с очень высокими показателями. Васильев переехал на новое дело. Я на базу не ездил с 52 года. Потом ввязались в Харитоновские дела. Так с ними и маемся до настоящего времени. За эти дела получены ордена, медали и сталинские премии в резко сниженной денежной части (30 т.р. вместо 200). В 1953 г. меня вдруг выбрали академиком. Как это возможно – до сих пор понять не могу. Когда оглашалось избрание, мы с В.Н. Кондратьевым решили, что 100% голосов мы получили только потому, что оба незаметные, потому и врагов не нашлось. Уже больше года добиваюсь, чтобы меня освободили от директорства в НИВИ. Пока ничего не выходит. Могу завязнуть еще больше, т.к. сегодня отослал доклад Завенягину, из-за которого возможно еще больше нагрузят всякой вакуумной техникой. Делать нужно, но сил и ума уже нет. Стар стал.

10 февраля 1958 г.

По моим предчувствиям, это последняя запись в эту тетрадь.

1957 г. прошел как и предшествовавший со 100% выполнением неинтересных заданий, возней с чиновниками. Пользуясь реорганизацией управления промышленностью, Д.В. Ефремов протасил через Первухина постановление о передаче НИВИ в МСМ. Я написал письмо в ЦК КПСС. Шла передача, подписывались акты и – все лопнуло: Первухин получил выговор за самоуправство, НИВИ – вернули в радиопромышленность, Ефремов – до сего времени не может прийти в себя.

Мои хлопоты об освобождении от директорства – увенчались наконец успехом: с 1.Х.57г.- сдал дела В.А. Гольцову. Все довольны, а я больше всех.

В НИВИ спущены два потрясающих задания: одно по термоядерным делам, другое – по ускорителю на большие токи. Нужно много строить, еще больше делать и изучать. У меня на это сил нет и оставаться научным руководителем НИВИ – мне уже не по плечу. Уходить в отставку на пенсию – не решаюсь (а надо, очень надо) и видимо кончу как принято у нас: инсульт, инфаркт и панихида.

31 декабря 1958 г.

Идут последние часы этого года. Это просто какая-то мистерия: как год кончается, мне обязательно попадается в руки эта тетрадь. Ну что ж. Запишем страничку.

Весь этот год был годом неустановившегося еще равновесия. Организация Совнархозов и дезорганизация промышленности, роспуск Министерств и создание Госкомитетов – все это так или иначе сказывалось на работе: все время что-то хромало, что-то разлаживалось и останавливалось. Создание Сибирского центра науки пока идет больше в канцеляриях и на строительных площадках. Отдача начнется этак через 4-5 лет, если не будет войны. А тучи сгущаются: берлинский вопрос, ракетные базы, прекращение испытаний А и Н бомб – все это не внушает особого оптимизма. Реорганизация школ и трудовое воспитание молодежи – это очень твердый орешек, особенно при разброде в умах самих воспитателей. В биологии – опять возрождение лысенковщины, которую мы зовем облысением науки. С термоядерными делами – мой прогноз оправдывается: ничего кроме спекуляций нет, и видимо, не будет еще лет 10-15. А денег идет много, очень много. Каков будет Новый 1959 год? Всякий хорош, лишь бы без войны!

27 декабря 1959.

Для меня этот год прошел как-то удивительно пусто. В мире, конечно, многое изменилось и просветлело: войны как будто уходят в прошлое, но вооружение гонят все в масштабах невероятных.

После запуска спутников, фотографирования Луны с «заду» и визита Хрущева к Эйзенхауэру – похоже, что нас начинают считать за людей. И к нам стали ездить, и наших принимать.

После каждой вылазки за пределы отечества – длительная процедура сравнений и оценок нашего отставания. Вчера, например, договорились до того, что необходимо женам рожать Эйнштейнов (это было на секции Д.В. Ефремова по поводу ускорителей).

Ну а жизнь идет. Огромные стройки, целина, кукуруза – все нужно и все идет на улучшение жизни. Но порядку – очень мало. И, видимо, еще лет 20-25 будет поддерживаться стратегический хаос.

Мы с Лидой 4 месяца готовимся переезжать на новую квартиру. Лучше от этого будет или нет – узнаем в 1960 г. Квартира явно расколола нашу психику: сегодня хотим, завтра – нет. В НИВИ – кавардак, в связи с Цветметом и Л – 25. Запутались года на три. Разберемся в 1960 г.

25 декабря 1960 г.

Наконец-то этот противный високосный год подходит к концу. Событий было много, и притом больших, но удивительно мало осталось от них полезного.

«Улучшение» отношений с Америкой и Западом пришло к своему антиподу. Кругом войны, базы, усиление гонки вооружений. Хрущев устроил почти скандал в ООН. Но Хаммершельд – не ушел в отставку, в Конго – гражданская война, с Кубой открыто готовится расправа, Эйзенхауэр больше не президент, так и не побывал ни в Токио, ни в Москве. В космосе состязание с переменным успехом. Множество всяких деклараций и заявлений. С 1-го января у нас новая денежная система с обменом денег 10:1 и обесценение доллара (90 коп. за 1 доллар). В НИВИ кавардак ни с чем не соизмеримый. Опять прожекты на расширение в 5 раз, если не больше. А пока грязь и неустройство такое, какого не было и в худшие годы войны. Seriously думаю уходить из этого своего детища. Куда? Или на пенсию, или в Ленинград к Г.С. Вильдгрубе. В новой квартире живем с февраля. Ничего, привыкли. Но пейзаж из этих каменных каменных коробок настраивает все время на тюремный лад. Об архитектуре – у нас ничего не говорят. Говорят о квадратных метрах на душу. Жизнь стала какой-то совсем безвкусной и ненужной. Ну что ж! Еще с одним наступающим новым годом!

8 февраля 1962 г.

Незаметно работаем уже в 1962 году. Ну а предыдущий? Прямо скажем: незадачливый был год. В стране кавардак, бесчисленные совещания, советы, конференции. Резолюции, решения, постановления, и т.п., ни для кого необязательные директивы и никем не выполняемые. В городах (кроме Москвы да Ленинграда) жрать нечего. За маслом и сахаром ездят в Москву, за хлебом – стоят в очередях. Жилищного фонда много, но нуждающихся становится еще больше, т.к. деревня, всеми правдами и неправдами, переселяется в город. С сельским хозяйством – из рук вон плохо. Совнархозная система вызвала огромное увеличение количества всяких чиновников, ревизоров, инспекторов и т.п. бумаготворцев. Лозунг «наше поколение будет жить при коммунизме» вызывает едкие смешки и «20 лет на обгон капиталистической системы» склоняется во всех падежах. Общее напряжение, неудовольствие, подогреваемые еще и страхом перед войной. Титов и Гагарин уже всем надоели. Эти герои – славные ребята, но их изъездили наши пропагандисты до одури. Сумеет ли мы взять в руки это расплывающееся хозяйство? Неужели опять разруха? Ох, тяжело.

21 февраля 1963 г.

В стране за прошлый год масса реорганизаций и перемен. Основной напор идет на сельское хозяйство, большую химию и демократизацию управления государством. С Кубой и карибским конфликтом кое-как уладилось. С китайцами продолжается корректное охлаждение. Ходят толки, что китайцы скоро начнут взрывать свои атомные бомбы. Де Голль и Аденауэр играют в жаркую дружбу. Англия осталась в изоляции. У арабов все время идут революционные потасовки. У нас многостроек и перестроек. Управлять хозяйством некому и реорганиза-

ция партийного и государственного аппарата пока еще не дают ощутимого результата. Количество совещаний, советов, госкомитетов, координационных и прочих путающих органов возросло до абсурдных размеров.

А НИВИ? Живет на двух площадках, задания выполняет, премии получает, но вакуумная техника все больше отстает от Запада. Заводы выпускают хлам и никакие скандалы не помогают. Я уже здорово состарился и ослаб. Все дело тянет М.И.Меньшиков. Мне же все чаще приходится лежать: то воспаление легких (в новый год), то скачки давления крови, то грипп. Проект большого НИВИ – движется, но постройка его растянется, вероятно, года на 3-4. Мне в нем уже работать не придется. За этот минувший 1962 год дотянули корпус В.А.Симонова до крыши, но и только. Построили 3 дома для сотрудников, один целиком отдали под переселение граждан из клоповников на строительной площадке. Там пока только роют землю и в одном этом году из земли не вылезет ничего. Народу в НИВИ стало очень много (больше 1600 человек) и по моему мнению дальше увеличивать нельзя.

В последние месяцы шло заигрывание В.Н. Челомея, С.П. Королева, Янгеля и, отчасти, металлургов. Хотят каждый иметь свое мощное «космическое» вакуумное хозяйство и поэтому каждый перетаскивает свой проект постановления. Но единого хозяина, а главное, настоящих знаний, нет. На этой почве разводят демагогию и орг-паутину тов. Веркин из Харькова. Пока все эти деятели плодят уйму бумаг, протоколов, ТУ и ТЗ. А делать некому и негде. НИВИ могут нечаянно слопать какие-нибудь импортные прорицатели вроде Староса. М.И. Меньшиков пока ловко лавирует между этими всеми акулами, но своей твердой линии у НИВИ, к сожалению, нет. Да и опереть такую линию не на кого. Положение сложное, как и во всем Союзе.

24 марта 1964 г.

Третий день сижу и лежу дома с радикулитом. Кажется, проходит. По итогам прошлого года НИВИ получил «хорошую» оценку на балансовой комиссии. А что хорошего? Народу стало больше двух тысяч, а чего-либо существенного не сделали. Сдали корпус Симонова под наладку, а денег на работу не оказалось. В понедельник вместе с А.П.Александровым были у Петросянца: обещал до 15.4. все отрегулировать и обеспечить финансирование в полном объеме. С деньгами у всех, кроме химиков и сельского хозяйства, очень туго. С хлебом во всей стране – отвратно, и будет к лету еще хуже. И никто не в ответе, как впрочем и по всем делам. Такого всесоюзного разгильдяйства я не видел за все 44 года. Зато призывов, резолюций, постановлений – хоть отбавляй. И советов, совещаний, конференций и т.п. сабантуев – весь календарь заполнен, да еще в накладку.

За эти дни немного собрался с мыслями и пришел к выводу, что лично мне уже пора уходить на покой. Дело не только в том, что я уже стар и слаб, а в том, что ничего больше я делать не могу. Электроника, родившаяся на моих глазах, явно переходит в ту область технической физики, которая мне уже недоступна. Все эти полупроводники, лазеры, параметрические усилители и логические схемы – требуют совсем другой подготовки и выучки, чем-то, что мне не по плечу. Сосредоточиться только на вакуумной технике уже нельзя. А значит, вся моя дальнейшая работа будет дырявой, с большим изъяном, с недопониманием очень существенных направлений и деталей. Да и в современной структуре науки и промышленности я уже ничего не понимаю.

Ergo: нужно спокойно переходить на положение «бывшего», не допуская превращения себя в «свадебного генерала» (к чему уже было несколько попыток). Дико, конечно, стать пенсионером, получать пенсию и не иметь никаких обязанностей, но я думаю, что остаток моих дней еще можно заполнить содержанием не менее интересным и полезным. Очень хочу заняться математикой, писанием хороших переводов, чтением хороших книг. И проводить 3-4 месяца в году на лоне природы.

Вот обдумав все это, я и решил по-серьезному взяться за переквалификацию академика в пенсионера. Знаю, что препятствий для этого будет немало, но сделать это нужно и для дела, и для себя.

Начинать надо теперь же с оформлением пенсии, потом с заявления А.И.Шокину. Труднее всего будет с подбором дельного преемника, но это уже не одного меня касается. Главное же – прийти в то равновесие, которое не нарушалось бы внутренними конфликтами.

Пора.

20 декабря 1964 г. Воскресенье

Наступили самые темные дни года и, пожалуй, моей жизни. Еще один год кончается, а порадоваться нечему.

После всей помпы и трескотни вроде 70-летнего юбилея Хрущева, тихо-тихо убрали эту «просвещенную» фигуру и занялись перестройкой того кавардака, который он наделал и в хозяйстве, и в политике. Хорошо, что так прошло. Иначе неизбежно было бы повторение 2-й половины сталинской эпохи. Пока тут расчистка, попытка постепенно разобраться в том, что выбросить на свалку, а что перекрасить и сделать полезным.

У нас пока медленно идет стройка, возрастание численности (более 2350 чел.), выполнение казенных планов, мелкая война из-за квартир и появление авантюристических планов при отсутствии средств на серьезные дела. Да и людей-то серьезных не прибавилось. На строительной площадке торчат скелеты будущих зданий НИВИ, но когда они станут реальными зданиями – ни один черт не знает. Академия по-прежнему мечется в родовых муках, но родить ничего не может и прежде всего потому, что кроме Верещагинских алмазов - ничем не беременна. Термоядерщина, после головокружения в водовороте всяких неустойчивостей, перешла на тихое течение, но без средств к существованию. Перспективы нового года пока очень туманные. На днях электроника будет выведена из Совнархозов, а значит и мы, вакуумщики, тоже. Посмотрим, что будет.

Материал любезно предоставлен родственницей С.А.Векшинского Н.С.Золотениной и подготовлен к публикации Президентом РНТВО им. академика С.А.Векшинского С.Б.Нестеровым.